

Елена
Арсеньева

Блистательные
изгнанницы

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Девушка с аккордеоном
(Княжна Мария Васильчикова)
Серия «Блистательные изгнанницы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138391

Блистательные изгнанницы: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09962-X

Аннотация

Великая и прекрасная Россия, в которой эти женщины родились, осталась лишь в воспоминаниях и мечтах... В реальности же им, убежавшим от новых порядков страны, принять которые они не смогли, родиной стала чужбина. Но и там, где пришлось начинать все сначала, не имея ничего, кроме высоких титулов, эти изгнанницы оставались блистательными и неподражаемыми. Великая княгиня Мария Павловна – двоюродная сестра последнего российского императора Николая II, балерина Тамара Карсавина, героиня французского Сопротивления княгиня Вера Оболенская... Об их непростых судьбах и пойдет речь в книге исторических новелл Елены Арсеньевой...

Содержание

От автора	4
Девушка с аккордеоном	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Арсеньева

Девушка с аккордеоном

Княжна Мария

Васильчикова

От автора

Безумный, безрассудный ураган сметает все на своем пути, вырывая из земли и пышные садовые цветы, и скромные полевые цветочки, и влечет их неведомо куда, за горы, за моря, швыряет на убогую, чужую почву. И улетает дальше, оставив эти несчастные, истерзанные растения погибать. Но вот какому-то цветку удалось зацепиться корнем за землю-мачеху... а там, глядишь, приподнял голову и второй, да и третий затрепетал лепестками... Они ужасаются, они отчаиваются, они зовут смерть, потому что жизнь кажется им невыносимой. Однако они вырастают в чужбину, живут, живут... и сами дивятся: как же это возможно после того, что они испытали, что они потеряли?

У них больше нет ни дома, ни страны. У них все в прошлом. Вот уж воистину, совершенно как в модном романсе – все сметено могучим ураганом! Пора забыть прежние при-

вычки, громкие имена и титулы, вековую гордыню, которая уверяла их в том, что они – соль земли, смысл существования тех миллионов простолюдинов, которые вдруг обезумели – и вмиг превратили спокойное, процветающее государство, называемое Российской империей, в некое вместилище ужаса, боли и страданий. Здесь больше нет места прежним хозяевам жизни. Титулованные дамы, представительницы благороднейших родов Российской империи; знаменитые поэтессы; дети ведущих государственных деятелей; балерины, которых засыпали цветами, которым рукоплескали могущественные люди страны; любовницы именитых господ – они вдруг сделались изгнанницами. Блистательными, вернее сказать: некогда блистательными! – изгнанницами. И нет ни времени, ни смысла надеяться на чудо или ждать помощи от мужчин. Просто потому, что чудес не бывает, а мужчины... им тоже надобно бороться за жизнь.

В этой борьбе женщинам порою везло больше. Прежняя жизнь была изорвана в клочья, словно любимое старое платье, а все же надобно было перешить ее, перелицевать, подогнать по себе. Чисто женское дело! Некоторым это удавалось с блеском. Другим – похуже. Третьи искололи себе все пальцы этой роковой игрой, но так и не обрели успокоения и удачи.

Их имена были гордостью Российской империи. Их родовые восходили к незапамятным временам. В их жилах струилась голубая кровь, это была белая кость – благород-

ные, образованные, высокомерные красавицы. Они нищенствовали, продавали себя, работали до кровавого пота ради жалких грошей. Они ненавидели чужбину – и приспособлялись к ней. Они ненавидели покинутую родину – и боготворили ее. За нее они молились, на нее уповали... умирали и погибали с ее именем на устах.

Русские эмигрантки.

Блистательные изгнанницы.

Отвергнутые Россией...

Девушка с аккордеоном

Княжна Мария Васильчикова

Танго, какое прекрасное танго «Il pleut sur la route», «Дождь на дороге»! Как его играли в том золотистом, будто шампанское, октябре 1942 года, когда Мисси была в Париже последний раз! Закроешь глаза – и чудится...

Впрочем, закрывать глаза смысла нет: в комнате и так ни зги не видно. Мерцают только белые клавиши аккордеона, а черные вообще неразличимы. Хорошо, что Мисси (на самом деле ее звали Мария, но все с самого детства называли ее на английский манер – Мисси, и родственники, и друзья, да она и незнакомым представлялась именно так: «Княжна Мисси Васильчикова») не просто знает это дивное танго наизусть, но и давно научилась играть вслепую. О таком понятии, как электричество, давно успели забыть. А тот запас рождественских свечек, который Мисси подарила подруга, расходуется слишком быстро. Эти свечки такие тоненькие и так быстро горят... Ни читать, ни даже штопать чулки вечерами нельзя. Впрочем, о каких чулках может идти речь? Ту единственную пару, которая у нее осталась, Мисси бережет как зеницу ока. Чулки тоже стали предметом роскоши. Все стало предметом роскоши – даже чистая вода! Il pleut sur la

route... Хорошо бы пошел дождь! Чистой воды в городе тоже нет, и совершенно непонятно, на чем готовят в госпитале, где Мисси работает, пищу для раненых и врачей. Недаром всему обслуживающему персоналу сделали прививки против холеры. Еще зимой они с подругой пошли набрать в ведра снегу – водопровод в очередной раз не работал, – но в растаявшей воде оказалось полно какой-то гнили, а поверху плавали хлопья саж. Вена горела – горела так же, как горел Берлин, и Дрезден, и Гамбург, как горела вся бывшая «великая Германия» весной 1945 года...

Если сейчас раздвинуть маскировочные шторы, станет светлее из-за далеких огней непогашенных пожаров. Их нечем гасить. Il pleut sur la route... Но дождя нет! И Вена горит. Горит так сильно, что, если открыть шторы, будут видны не только белые, но и черные клавиши старого аккордеона, на боках которого давно потускнел розовый перламутр. Ох и достается ему в последнее время!

Недавно Мисси перевозила его на велосипеде. Около развалин Жокейского клуба аккордеон упал. Эти развалины появились в ту же ночь, когда американская бомба попала в купол Оперы, нанеся незаживающую рану сердцу каждого венца. Впрочем, Мисси, приехавшую из давно разрушенного Берлина, трудно было чем-то удивить. Она же привыкла жить среди развалин, постоянно чувствуя запах газа, перемешанный с запахами битого камня, ржавого железа, а порой даже с вонью разлагающейся плоти, так что порою ее да-

же пугала мысль о том, что где-то еще остались зеленые поля, чистый воздух, что ночью можно спать спокойно... Наклонившись за аккордеоном, Мисси ударилась о припаркованный перед развалинами грузовик. И тут ощутила жуткий запах. Подняла голову – и увидела, что машина нагружена неплотно завязанными мешками. Из ближайшего торчали женские ноги. На одной туфле не было каблука...

Она резко качнула головой, отгоняя страшное воспоминание, выступившее из тьмы, и тут же горько усмехнулась: да этак голова отвалится – отгонять их все! Воспоминания о Хайнрихе фон Витгенштейне, который любил ее, воспоминания об Адаме фон Тротте, которого любила она, воспоминания о графе Шуленбурге и Готфриде Бисмарке, с которыми она дружила, воспоминания о... Порою Мисси представлялась себе той девушкой, которую она как-то раз видела после бомбежки на Неттельбекштрассе в Берлине. Этой девушке было лет шестнадцать, не больше. Она стояла на куче камня, поднимала кирпичи один за другим, тщательно вытирала с них пыль и снова выбрасывала. Кто-то сказал, что вся ее семья погибла под развалинами и она сошла с ума.

Да, в тот день погибло очень много народу, эта часть города выглядела просто кошмарно. В некоторых местах нельзя было даже разобрать, где раньше проходили улицы, и скоро Мисси вообще перестала понимать, где находится, она заблудилась в знакомом городе... совсем как сейчас, под музыку старого танго, заблудилась в своих воспоминаниях...

Русская по происхождению, она никогда не бывала в России. Вернее, не помнила себя в стране, которую всегда почитала своей родиной. Мисси появилась на свет в Петербурге 11 января 1917 года – года, трагически знаменитого двумя русскими революциями. Она происходила из семьи тех, кого сразу стали называть «бывшими»: Мисси была младшей дочерью члена Государственной думы IV созыва князя Иллариона Сергеевича Васильчикова и его супруги Лидии Леонидовны, урожденной княжны Вяземской. У Васильчиковых было, кроме Мисси, еще четверо детей: старшие Александр, Ирина, Татьяна, а после нее родился Георгий – Джорджи, как его обычно называли.

Родословную свою Васильчиковы исчисляли от некоего Индриса, прибывшего на Русь с сыновьями и дружиной «из земли кесаревой» в середине XIV века и служившего при дворе князей Черниговских. Его потомки переселились в Москву, ко двору великих князей, а потом царей Московских. Последующие поколения Васильчиковых стали дипломатами, военачальниками, общественными деятелями и государственными людьми у императоров российских.

Да, потомкам Индриса не нашлось места в новой России (Васильчикова, к слову сказать, считали человеком умнейшим, ему прочили будущность премьер-министра!), и весной 1919 года, досыта хлебнув большевистского террора, Васильчиковы из России сбежали. Предпочитали говорить, конечно, с достоинством – «покинули Россию», однако это

было самое настоящее бегство. На счастье, у них была собственность за границей, были и деньги. Сначала поселились в Баден-Бадене, убежденные, как и все многочисленные русские эмигранты, что это ненадолго. Германия тех лет стала землей обетованной для многих русских, да и сама переживала новый расцвет культуры – именно благодаря русской эмиграции. Открывались первоклассные русские издательства, газеты и журналы самых разных направлений, театры и антрепризы, появилось несчетно ресторанов, кабаре, магазинов, модных ателье... Русская эмиграция считала себя носителем и хранителем того лучшего, что делало Россию великой страной. Именно тогда Мисси (как и все эмигранты, впрочем!) научилась делить всех русских на собственно русских, *белых русских*, и на советских, *красных*. Это были как бы две разные национальности.

Где бы Мисси и ее родные ни жили, они немедленно находили русских родственников и друзей. Говорили между собой только по-русски, посещали русские православные храмы, справляли русские праздники, посещали русские спектакли и концерты – и Мисси с детских лет постоянно подвергалась влиянию той «русскости», проявление которой было свойственно нашим эмигрантам. Поэтому всю жизнь, всегда, при любых обстоятельствах она оставалась не просто русской, но и православной русской.

Шли годы эмиграции, и становилось все яснее, что возврата к прошлому нет, не будет и быть не может: советские

одолевали русских. А в Германии начал зарождаться нацизм.

Матушка Мисси, Лидия Леонидовна, ненавидела большевиков, что неудивительно – двое ее братьев погибли в самом начале революции в России. Она лелеяла в себе реваншистские настроения, и даже Гитлер, возглавивший в 1921 году национал-социалистскую партию, виделся ей меньшим чудовищем, чем Ленин и Сталин. Однако Илларион Сергеевич окончательно отрешился от политики и совсем не желал присутствовать при возникновении «обновленной Германии». Хватило с него и «обновленной России»!

Васильчиковы переехали во Францию. Однако инфляция, поразившая Германию, перебралась за границу одновременно с ними. Хочешь не хочешь, а пришлось отправляться туда, где жизнь была проще, дешевле, – в Литву, тогда еще независимую. Близ Каунаса, который в то время стал столицей буржуазной Литвы, у Васильчиковых было имение. Их род проживал в Литве с середины XIX века, когда прадеду Мисси, князю Иллариону Васильевичу, были дарованы там обширные земли в награду за службу Отечеству на военном и государственном поприще. Туда и повез в 1932 году новый Илларион Васильчиков свою семью.

Имение имением, но времена и доходы были уже не те, чтобы вести жизнь безмятежных помещиков. Мисси отлично говорила по-английски и по-французски, поэтому ей удалось поступить секретаршей в английское посольство. Однако в 1938 году пришлось уехать в Швейцарию, ухаживать

за старшим братом Александром, умиравшим от туберкулеза. Новый, 1940 год Мисси (ей было 22 года) и ее 24-летняя сестра Татьяна встретили в имении приятельницы их матери в Силезии, в Германии. В это время уже шла мировая война – Вторая мировая... Но она казалась такой далекой! А остальные члены семьи были разбросаны кто где: родители и Джорджи еще жили в Каунасе, 30-летняя Ирина – в Италии.

Татьяна и Мисси попытались обустроиться в Берлине. Сестры поселились на Литценбургерштрассе, недалеко от Курфюрстендамм. В золотые для русской эмиграции 20-е годы эта улица считалась совершенно русской – так же, как Пера в Константинополе, как район Пасси в Париже...

Прежде всего Мисси принялась устраивать затемнение на окнах: это было строжайше предписано законами военного времени, а Татьяна начала обзванивать прежних друзей. Но искали сестры Васильчиковы не только общения: им нужно было срочно устраиваться на работу. Тех, кто не состоял на государственной службе, просто могли поставить к станкам на каком-нибудь военном заводе, так что дело было не только в деньгах и продуктовых карточках. Хотя и в них тоже, конечно...

Во время своих телефонных переговоров Татьяна нечаянно получила приглашение на бал в чилийское посольство.

Бал получился чудесный, совсем как в довоенные годы. Здесь Мисси встретила кое-кого из прежних берлинских знакомых, а главное, познакомилась с людьми, которые ста-

нут ее друзьями и останутся ими в самые тяжелые времена. Кавалерами на балу в основном «служили» курсанты Крампница, офицерского бронетанкового училища под Берлином. Мисси, сто лет не танцевавшая, не пропустила ни одного танго, вальса, фокстрота, чарльстона... Боже мой, да что там только не танцевали, на том чудесном балу, который ей запомнится надолго, как последнее дуновение мирной – почти довоенной! – жизни! Вообще потанцевать теперь можно было только в посольствах, потому что в ресторанах и ночных клубах после начала войны это категорически воспрещалось: считалось непатриотичным, так же как злоупотребление косметикой и нарядами.

От кавалеров на балу у Мисси отбоя не было, и все наперебой говорили: какая, мол, жалость, что она не появилась в Берлине в 20-е годы, когда русские эмигранты устраивали здесь конкурсы красоты! Такие конкурсы проводились, впрочем, во всех городах, ставших центрами русской эмиграции: Париже, Шанхае, Харбине... Поклонники уверяли Мисси, что она могла бы соперничать с самой Ксени Десни – звездой немого кино Ксенией Десницкой. Мисси, высокая, очень стройная, с густыми, волнистыми русыми волосами, сверкая своими удлинненными, чарующими глазами и улыбаясь румяными губами, благоразумно отвечала, что соперничать с Ксенией у нее не было никаких шансов: ведь ей, Мисси, в те годы не сравнялось и десяти лет! И вообще, она совсем другого типа... А впрочем, комплименты приводили ее

в восторг. Что-что, а уж они-то никогда ей не надоедали, хотя девушка и встречала восхищение своей изящной красотой на каждом шагу и чуть ли не каждый встреченный мужчина становился ее поклонником или другом.

А назавтра после бала начались новые поиски работы.

В американском посольстве консул подверг сестер испытанию, которое их обескуражило, так как они не были к нему готовы. Их сначала усадили за пишущие машинки, а потом им вручили стенографические блокноты, и консул стал диктовать в таком темпе и с таким сильным американским акцентом, что Мисси и Татьяна не все понимали. И что совсем было плохо – два варианта письма, которое он диктовал, оказались у них неодинаковыми. Консул сказал, что позвонит сестрам, как только появятся вакансии.

Однако девушки не могли долго ждать и готовы были согласиться на любую работу, но... Значительная часть международного бизнеса в Германии была уже свернута, и в Берлине почти не осталось фирм, которые нуждались бы в секретаршах со знанием французского или английского языка.

Запасы еды и денег таяли с катастрофической быстротой, вообще Берлин все меньше годился для проживания людей неработающих, а ведь сюда, с трудом вырвавшись из Литвы, приехали еще и родные! Поэтому Лидия Леонидовна и Джорджи уехали в Италию к Ирине. И тут Мисси и Татьяне внезапно повезло: их новая подруга Катя Клейнмихель (тоже русская эмигрантка, из числа потомков того самого спо-

движника Николая I, графа Петра Андреевича Клейнмихеля, который построил железную дорогу Москва – Петербург) помогла Мисси устроиться на работу в отдел новостей радио Третьего рейха, которое курировал министр пропаганды доктор Йозеф Геббельс, а Татьяне... в Министерство иностранных дел.

Теперь сестры целыми днями были на службе. Мисси сидела за машинкой с семи утра до пяти вечера, но вставать ей приходилось в пять утра – два часа уходило на дорогу. Татьяна ездила на работу к десяти, однако возвращалась уже совсем ночью. Работать приходилось и по воскресеньям, однако иногда воскресное утро удавалось провести в церкви. Мисси была очень набожной и мысленно благодарила судьбу, что нацисты не трогали русских церквей.

На службе сестры получали каждая по 300 марок; 110 вычиталось в виде налогов, так что на жизнь оставалось 190. Что ж, приходилось жить...

Питались девушки не бог весть как: в основном булочками, простоквашей, подогретым чаем и джемом (по карточкам можно было получить одну банку джема в месяц на человека). Простокваша продавалась без карточек, и когда сестры ели дома, она составляла их главное блюдо, иногда дополняемое сваренной на воде овсяной кашей. Татьяна смеху ради предложила вешать над кухонным столом таблички: «Завтрак», «Обед» и «Ужин», в соответствии со временем суток, поскольку меню в общем и целом не менялось.

Иногда сестрам удавалось поужинать с друзьями в ресторане «Рома». Итальянские рестораны стали в то время очень популярны из-за питательных спагетти, на которые тоже не требовались продовольственные карточки. Свободное время посвящалось в основном ходьбе по магазинам. «Ходить по магазинам» теперь означало главным образом закупки продовольствия. Все продавалось по карточкам, и в большинстве магазинов томились длинные очереди. Иногда Мисси приходила в отчаяние, вынужденная после дня работы час или два выстаивать за кусочком сыра в палец толщиной.

Впрочем, когда настал Великий пост, сестры принялись усердно соблюдать его, хотя в принципе православная церковь позволяла этого не делать в военное время из-за всеобщего недоедания. Но девушки все равно постились, ибо старались сэкономить побольше талонов. А на Пасху удалось раздобыть творога, изюма и сделать настоящую русскую пасху, чем Мисси и Татьяна очень гордились. Вкусно было необыкновенно!

Мисси шутливо записывала в своем дневнике: «Практическое исчезновение с началом войны многих предметов первой необходимости имело у нас в министерстве комические последствия: наше начальство уже некоторое время жалуется на необъяснимый гигантский рост потребления туалетной бумаги. Сначала они предположили, что сотрудники страдают какой-то новой формой массового поноса, но шли недели, а поборы с туалетов не прекращались, и тогда они

наконец сообразили, что все попросту отрывают вдесятеро больше, чем необходимо, и тащат к себе домой. Теперь издано распоряжение: все сотрудники обязаны являться на центральный раздаточный пункт, где им торжественно выдают ровно столько, сколько сочтено достаточным для их однодневных нужд! Ну что ж, бытие определяет сознание, и даже поклонники девушек частенько приходили теперь не с цветами, а с практичными подарками. Например, один принес торт и зубную пасту – ценнейший, дефицитнейший предмет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.